

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

ЖИЗНЬ
БЬЕТ КЛЮЧОМ



Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

ЖИЗНЬ БЬЕТ КЛЮЧОМ

«Научная книга»

Серова М. С.

Жизнь бьет ключом / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частный детектив Татьяна Иванова разыскивает пропавшую в Штатах сестру своего знакомого – Лику, вышедшую замуж за американца. Подозрительно ведет себя муж девушки – Род Эванс. Он уверяет, что жена уехала погостить к его матери, но отказывается дать ее адрес и номер телефона. Странно реагируют на происходящее и близкие друзья супружеской четы Эванс. Чем глубже Таня вникает в это дело, тем больше тайн и загадок обнаруживает. Крутится вокруг пропавшей Лики какая-то дьявольская карусель...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Жизнь бьет ключом

Глава 1

В этот день с самого утра я занималась обычной рутинной работой частного детектива. Спокойная и расслабленная, я сидела в затемненной ванной, следя за тем, как на фотобумаге проявляются плоды моих трудов, – и о чем только пишут в детективах? Посмотрели бы авторы вышеозначенного чтива, чем приходится заниматься частным детективам! Рутинная, господа, рутинная! Никакой романтики... Несчастливая леди, за которой я следила, появлялась на глянце, радуя меня своим неприличным поведением. Правда, через день моего пристального наблюдения за ней я с ужасом поняла, что, если несчастный рогатый муж решит поквитаться с любовником своей изменницы-жены, ему придется иметь дело как минимум с половиной нашего Тарасова.

Занятие было довольно скучное, и по телевизору я краем уха слушала, как Джессика Флетчер портит людям жизнь своей излишней привязанностью к правосудию. На очередном снимке моя жертва покоилась в объятиях восточного красавца. Осталось только составить отчет о моих целенаправленных наблюдениях, и в моих карманах появятся приятно шуршащие зеленые купюры.

– Ладно, можно устроить перекур, – сообщила я прелестнице на снимках.

Выйдя из темноты на свет, я счастливо вздохнула. Солнечный свет заливал комнату, и Джессика продолжала упорно разыскивать несчастную женщину, избавившую человечество от мерзкого типа. Я посмотрела на экран с ненавистью и выключила телевизор. Сама бы я так не стала поступать. Не всегда закон стоит того, чтобы его уважали. Иногда испытываешь куда больше жалости к убийце, чем к жертве. Такие типчики встречаются, скажу я вам...

Закурив сигарету, я мечтательно уставилась в окно. Свежий весенний ветер вторгся в мою квартиру через открытый балкон и теперь играл с моими записями, в которых я тщательно подбивала клинья под спокойную жизнь госпожи Латухиной.

Звонок в дверь застал меня врасплох. Тоскливо посмотрев на усыпанный белыми листиками пол, я подумала, что сейчас вернусь и все соберу. Мысль о том, что неожиданный посетитель прибыл надолго, меня не особенно беспокоила – сегодня я совсем не располагала временем для общения.

Открыв дверь, я застыла.

Вот уж кого я не ожидала увидеть на своем пороге, так вот эту тень из моего далекого прошлого... Я даже присвистнула, забыв о дурной примете.

– Здравствуй, Танечка, – смущаясь, произнесла «тень», входя в мою прихожую.

– Здравствуй, – растерянно ответила я, мучительно соображая, какая нелегкая его принесла.

С Сережей Коротковым я не виделась уже лет пять. Хотя раньше нас связывала тесная дружба, если не сказать больше, но, как часто случается, теперь все было забыто.

Он изменился. Из застенчивого мальчишка с мольбертом превратился в весьма самоуверенного типа. Так сказать, справился с юношеским комплексом неполноценности, заменив его легкой манией величия.

– Не ожидала тебя увидеть...

Он кивнул. Я не глупая девочка и сразу поняла, что ежели твоему старому знакомому, успешно обходящемуся без твоего общества в течение пяти лет, захотелось тебя увидеть –

его привела сюда насущная необходимость. Поэтому я постаралась сразу освободить его от ненужных формальностей.

– Излагай проблему. Попробую сама догадаться – тебе изменяет супруга, а доказательств у тебя нет. Так?

Он вытаращился на меня. Неужели я попала в точку?

– Нет, – поморщился он, – дело не в этом. А как ты догадалась, что я пришел к тебе...

– С приветом, рассказать, что солнце встало? – усмехнулась я. – Элементарно, Ватсон. Ты пять лет старательно не помнил о моем существовании. В светлую ностальгию по юношеской свежести чувств я не верю. Значит, в твоей жизни произошло некое не очень приятное событие, разобраться с которым может только частный детектив. И скорее всего – проблема у тебя щекотливая, поскольку пришел ты именно ко мне, предпочитая вмешательство человека, которому ты доверяешь. То есть, к твоей неслыханной удаче, это как раз твоя знакомая Татьяна Иванова. Оговорюсь сразу – я сейчас пока занята. Это первое. Второе – я беру дорого. Двести в сутки. Естественно, не рублей.

Он улыбнулся.

– Ты не изменилась, – проговорил он. – Все такая же реактивная. Предположим, что я действительно пришел к тебе не просто так. Но уж хотя бы ради приличий можно было бы попить кофе и рассказать про свою жизнь. Все-таки пять лет пролетело.

– Кофе – пожалуйста, – согласилась я. – Поговорить – тоже. Только личную жизнь мы будем обсуждать твою, если ты этого захочешь.

Он рассмеялся:

– Танька, не ершишься. Я рад тебя видеть и не понимаю, почему я вдруг начал действовать на тебя, как красная тряпица на белого генерала.

– Ты на меня никак не действуешь, – мило улыбнулась я, отмечая не без удовлетворения, как мимолетное замешательство свело на переносице его брови. Я сделала шаг к кухне и остановилась, услышав за своей спиной:

– Меня устроит и растворимый кофе.

Я приподняла удивленно брови. Обернулась и смерила взглядом его импозантную фигуру. Он явно считает, что я трепещу в его присутствии, аки малолетнее дитя. С чего он вообще взял, что я намеревалась тратить время и силы на приготовление в его честь настоящего кофе? В моей голове пронеслось огромное количество колкостей, которыми можно было поставить его на место. Колкости задели своими крылышками мое распаленное самолюбие и охладили его. Похоже, милая девочка, вы все еще под влиянием, простите, ненужных чувств, а на фига они вам нужны? И если уж детская обида все еще довлеет над вашей психикой, так уж ему-то имейте гордость этого не показывать.

Губы раздвинулись в приветливой улыбке, и я изрекла:

– Нет, ради тебя я постараюсь. Все-таки приятные воспоминания юности, дружочек. Ради воспоминания можно и поднапрячься.

Больше всего на свете мужчины не любят, когда их называют воспоминанием. Уж поверьте мне – каждый из них мечтает быть в твоей жизни единственным и неповторимым. Чтобы все последующие твои спутники были только слабыми отражениями его величества. А тут вы нагло ставите его в разряд воспоминания. И уж ладно бы – неприятного. Чтоб всю жизнь рыдать и плакать над печальной судьбой. Так нет же – он только приятное воспоминание. Проходящий случай.

На кухне я остудила свой пыл. В комнате мой непрощенный гость включил магнитофон, и теперь вся квартира наполнилась сладкозвучным голосом Стинга. Похоже, на меня решили навевать воспоминания. Ослабить профессиональную женскую бдительность. Я усмехнулась. Время, мон шер, не стоит на месте. Патологические изменения происходят в нашей хрупкой и ранимой душе от постоянного соприкосновения с реалиями жизни. У меня уже выработался

другой вкус. Рафинированные мальчики больше не беспокоят мое девичье воображение. А ты, дружок, похоже, останешься этим мальчиком до глубокой старости.

Как ни странно, волнение быстренько улеглось, стоило только кофе в джезве попытаться вырваться на волю. Еще три раза добиться его кипения – и восхитительная пенка на коричневой поверхности вам обеспечена. Достав маленькие турецкие чашечки и расставив все это великолепие на подносе, я прошла в комнату.

Он сидел, немного согнувшись, на краешке кресла. Меня немного удивило, что мое появление осталось незамеченным.

«Видимо, проблемы у него действительно крутые», – решила я. Поставив поднос на столик, я присела в кресло напротив него и сказала:

– Начинай. Я же вижу, что в твоей жизни появилось темное пятно.

Он поднял на меня глаза и вздохнул:

– Да. Но не в моей. Дело, Таня, в моей сестренке. Лике. Ты ее помнишь?

* * *

Лику я помнила хорошо. Как и то, что произошло пять лет назад. Тогда выпускница юридического института Танечка получила по носу. Как раз от моего теперешнего визави. История простая. Был долгий роман, казавшийся наивной Танечке настоящей и подлинной любовью. Ночные звезды, скатывающиеся в раскрытые ладони души, мечтательный Стинг, помогающий навешать на твои ушки побольше спагетти о пылких чувствах, раздирающих кавалера. Короче, розы, грезы и прочая дребедень. Все это очень быстренько разбила маленькая, похожая на болонку, девица, взявшаяся невесть из какого пространства с уверением, что она беременна от моего друга Сережи.

По этой причине краснеющий мой друг попросил у меня прощения, поцеловал руку и исчез. Растворился в объятиях «болонки». Не то чтобы он разбил мое сердце – уж этого от меня никто не дожидается! Просто я первый раз почувствовала себя полной идиоткой, а поэтому обиделась. У меня даже промелькнула мысль отомстить всему мужскому роду – соблазняя их и бросая, дабы и они могли проникнуться этим светлым и радостным ощущением собственного идиотизма. Но потом я поняла, что дело это хлопотное и неприбыльное, а дать им возможность почувствовать себя глупее, чем я, могу и другим методом. Что сейчас я и делаю по мере сил и возможностей. И прибыль есть, и самоудовлетворение.

* * *

Теперь о Лике. Лика тогда была красивой девочкой лет четырнадцати, с пшеничной толстой косой и бирюзовыми глазами. Умненькая и начитанная, она мне нравилась. Прикинув в уме, что сейчас ей должно быть что-то около двадцати лет, я удивилась. Какие проблемы могут появиться у такой юной барышни?

– Лика? Она же совсем ребенок... – произнесла я вслух.

– Вот в этом-то ребенке вся проблема, – усмехнулся невесело Сергей. – Во-первых, наш «ребенок» уже давно замужем. Собственно, в теперешней ситуации косвенно виноват я.

Он помолчал, мешая ложечкой кофе. Ложечка в наступившей тишине звякала неприятно, и я переставила кассету, чтобы это царапанье о края чашки не так действовало мне на нервы.

– Два года назад Лика перенесла трагедию. В один год она потеряла и своего возлюбленного, и здоровье. Идиотская история – девчонка свалилась с обычным гриппом, а грипп дал осложнение на сердце. Не стану тебя посвящать в медицинские дела, но только Лика решила, что она теперь инвалид, и постаралась расстаться со своим мальчиком. Все это на ней ужасно

отразилось. Представляешь – девчонка целыми днями плакала! У ее парня не хватило мужества перебороть свой страх перед ее болезнью, и он исчез с горизонта...

Я промолчала. Хотя его праведное возмущение мне нравилось. Он целых десять минут суровым и обличительным тоном живописал мне, какой подлец был этот Ликин дружок. Бросить невинное дитя – надо же!

– Потом я узнал об этом агентстве. Они подбирают тебе кандидата за границей через Интернет.

– Кандидата куда? – не поняла я.

– В мужья, – пояснил он терпеливо.

– Ах, вот в чем дело...

Я подумала, что это не самое плохое решение. Подбирают тебе этого самого кандидата где-нибудь в Голландии. И вся оставшаяся жизнь протекает в счастливом и спокойном ритме, среди голландских тюльпанов. Детектив Иванова пребывает в неге безделья, поскольку можно постараться выбрать того кандидата, у которого в порядке с наличностью. Мечтания мои скоро закончились. Потому как от безделья я очень быстро сойду с ума, и моему «кандидату» придется обращаться к частным сыщикам, дабы они за мной уследили. А так как я в этом деле сама собачку скушала, то заметать следы я умею. Так что ну их, «кандидатов»...

– Я обратился туда, понимая, что в России Лика счастлива не будет.

– А почему ты решил за нее? – тихо спросила я. – Она ведь и сама могла бы разобраться, будет ли она здесь счастлива...

– Потому что она еще глупый ребенок, – отрезал он.

Похоже, наш мальчик стал крутым, подумала я. Начал решать за окружающих, чего им нужно в этой жизни. Вот что значит стать «крутым» в сфере обслуживания... То, что Сережа Коротков проектирует все супермаркеты и шопы, я знала от общих друзей. Как и то, что теперь у него нет проблем с деньгами.

– Так ее что, обманули? – поинтересовалась я. – Содрали денежки, а кандидата не выдали?

– Да нет же. Все в порядке. Она по своей глупости не желала уезжать из России. Если бы Родни из Штатов сюда не приехал, она бы и не согласилась. Но перед Родни невозможно устоять...

Он мечтательно улыбнулся, отчего у меня закралось нехорошее подозрение, что и он, бедолага, не смог устоять перед чарами этого неведомого Родни.

– Сначала они переписывались, висели в Интернете... В общем, Лика ко всему относилась по-детски, не собираясь за него замуж. Потом он неожиданно приехал к нам. Мама даже не успела подготовиться к его приезду. Так и встречали его со старой мебелью...

– Он что, привез с собой старую мебель? – не удержалась я.

– При чем тут это? – искренне удивился Сергей. – Просто мы не успели купить новую.

– А что, к визиту иностранца в нашу квартиру выдвигается неременное условие покупки новой мебели? Хорошо, что ты меня предупредил... Я теперь воздержусь от приглашений в свою квартиру иностранных подданных.

Сергей сделал вид, что мой подкол не заметил. И продолжал:

– Она влюбилась. И все было хорошо – свадьба на его ранчо. Он увлекается лошадьми, и у него там целая конюшня. Лика была счастлива. Знаешь, он ведь к ней относился очень хорошо. К тому же в Нортон-Бее есть наши эмигранты. У Лики появились подруги. Об одной из них, Розалии, она писала довольно часто. Все было как в сказке. А потом... Она заболевает снова. Ее отвозят в больницу и буквально вытаскивают с того света. Врачи там действительно великолепные. Положение было очень серьезным. Смерть прошла совсем близко от Лики. Поэтому ей было запрещено заниматься физической работой и думать о детях. То есть рожать Лика не может.

После этого Родни изменился. Лика ничего не говорила и не писала, но последний мой приезд меня расстроил. Лика была очень нервная и явно боялась Родни. Каждый раз, когда он появлялся в комнате, она вздрагивала. Как от порыва холодного ветра. Это было два с половиной месяца назад.

А два месяца назад Лика пропала. И все наши попытки найти ее тщетны. Она не пишет. Не звонит. Розалия ее не видела, более того... Неделю назад она позвонила и сказала, что очень беспокоится о Лике. Я связался с Родни, и тот удивился. Сказал, что все в порядке, Лика уехала к его матери. Я попросил дать мне телефон матери, но Родни сказал, что мать нездорова и беспокоить ее ни к чему. Он сам позвонит Лике и попросит ее связаться со мной. Таня, я боюсь за Лику. Мне вся эта история не нравится. Поэтому я и рискнул обратиться к тебе.

– Но что я могу сделать? – удивилась я. – Я же не ясновидящая... Из моего окна выхода в Америку нет. Чем я могу тебе помочь?

– Поехать туда.

Я открыла рот. Вот это заявочка! Поезжай в Америку, Таня, разберись там, чего этот Клинтон чудит... Я что, международный детектив?

– Почему я? Там полно сыскарей. Любой из них охотно поработает на тебя за те же деньги. Даже дешевле обойдутся...

– Нет, это невозможно. Я пробовал. Они отказываются, когда узнают, кто этот Родни.

– Кстати, кто он? Сенатор-конгрессмен? Чем он так запугал детективов?

– Хуже, Танечка.

Он замялся, разглядывая рисунок на моем паркете.

– Танюша, я оплачу твою дорогу. Твое проживание там. Все, что ты захочешь.

– Я уже была в Америке, – сообщила я. – Мне туда не хочется. Лучше бы ты отправил меня на остров Пасхи. Там хоть на идолов можно посмотреть. А Америка скучная страна. К тому же ты мне так и не сказал, за какого Аль Капоне ты отдал сестрицу замуж.

– Он хуже, чем Аль Капоне.

Хуже, чем сенаторы и мафиози, в Америке считают только одних людей. С которыми ни у кого нет охоты связываться. У меня засосало под ложечкой от неприятного ощущения, что я вляпываюсь в очень мерзкую историю.

Мою безумную догадку надо было уточнить.

Я посмотрела в бессовестные коротковские глаза и скорее утвердительно, чем вопросительно, произнесла:

– Он – коп.

Коротков дернулся как от удара током. Ну пусть я ошиблась, взмолилась я. Пусть он будет лучше сыном Клинтона. Только не...

– Полицейский офицер. Заместитель шерифа Нортон-Бея.

О, боже!

– Нет, – сурово сказала я. – Нет, Сережа. Ищи другого идиота так подставляться. С копами, да еще с такими, я не собираюсь играть в кошки-мышки. Надо было думать раньше, когда ты выдавал за копа свою сестру. А я довольно успешно нахожу неприятности и в России. Мне за ними в Америку мотаться недосуг.

Я встала, всем своим видом показывая, что наш разговор окончен и я остаюсь непреклонной, как статуя Свободы.

– Танечка, ну почему связываться? Просто надо узнать, все ли там в порядке. Ведь я же тебя не убивать его прошу. Надо съездить и удостовериться, что все в порядке.

– Слушай, Коротков, зачем тебе для этого я? Возьми свои денежки и съезди. Посмотри, убедись и отдохни заодно в Калифорнии. Я отдыхать не хочу, у меня работы много. Если мне захочется пободаться с полицией, я предпочту сделать это на родном полигоне. При всех дурных наклонностях представители нашей милиции проще в общении, чем помощники шерифов

в Америке. Поэтому, милый, прости – но я отказываюсь... Конечно, не спорю, у меня бывают романтические настроения, лишаящие меня некоторой доли рассудка, но не до такой степени, чтобы мне захотелось понаблюдать за личной жизнью копа.

Он стоял и смотрел на меня глазами побитой собаки. Наверное, ситуация действительно его удручала. Я могла бы насладиться моментом своей мести за ту девчонку Таньку, чувства которой пять лет назад никого не волновали. Но...

– До свидания, – тихо произнес он, открыв входную дверь.

Перед моими глазами возникла девочка с пшеничной косой. Ясная улыбка и бирюзовые глаза. Девочка с больным сердцем. Наша русская девочка, над которой, возможно, нависла опасность. Из-за того, что Таня сдрейфила и не захотела связываться с мерзким копом. А это значит, что мерзкие копы, которым никто не хочет дать сдачи, могут и к Тани заявиться и начать качать права.

– Подожди, – остановила я его.

Он остановился. Наверное, если уж мне иногда свойственно прежде делать, а потом уже думать, с этим не справишься.

– Я подумаю, – попробовала все-таки найти соломоново решение я. Он облегченно вздохнул.

– Танечка... – начал он благодарный панегирик.

– Я же сказала, что подумаю, – сурово отрезала я. Он кивнул. Выражение его лица заставило меня смягчиться. Знаете, иногда вдруг человек становится похож на бездомного пса, ищущего хозяина. Просто плакать хочется, глядя на этакую раздавленность. Поэтому следующую фразу я произнесла уже не таким строгим голосом.

– Давай договоримся так, – сказала я, – вечером я тебе звоню. Потом мы еще раз встречаемся, если я соглашусь, и ты отвечаешь на все мои вопросы. Даже если тебе эти вопросы покажутся не слишком приятными.

Он обрадованно закивал – как китайский болванчик.

Когда дверь за ним закрылась, я посмотрела с тоской в небеса. Господи, обратилась я мысленно к нему, ну почему Ты никогда не даешь мне возможности отдохнуть от приключений?

Мне показалось, что небеса довольно ехидно улыбнулись. Ну и правильно, согласилась я. Чего от них отдыхать? Жизнь должна бить ключом. Как на американских горках...

* * *

Конечно, съездить в Америку за счет Короткова – идея неплохая. Да и с девочкой скорее всего все в порядке. Но что-то меня в этой истории напрягало. Знаете, иногда вдруг ни с того ни с сего появляется ощущение смутной тревоги. У меня это самое чувство, к сожалению, смешивается еще и с ненормальным азартом. Не то чтобы я была такая бесстрашная суперменша, а просто нравится мне, когда моя жизнь предлагает мне, подмигивая, поиграть в «русскую рулетку». Патрончик может оказаться холостым, а может и выстрелить, моя дорогая. Ну, как? Согласна поиграть?

Нормальный человек покрутит пальцем у виска и отойдет. Я же тянусь шаловливыми ручонками к пистолетику.

Ладно, не будем долго раздумывать сами. Я привыкла спрашивать совета у гадальных костей. Если честно, большинство моих успехов связано напрямую с ними. Эти маленькие мои подружки могут выручить в трудную минуту, подсказав верное решение. Могут предупредить об опасности. Надо только научиться их понимать. Не скрою, что понимать их иногда непросто. Например, как-то раз на мой вопрос они ответили весьма странно: «Настанет время, когда вы будете просить мужа следить за своим весом».

Я почла этот ответ случайным, как бы адресованным не мне. Поскольку никогда у меня не было мужа, а уж тем более такого, которого надо было просить о диете. В общем, я отложила этот ответ в самый отдаленный уголок сознания и распутывала дело своими силами. Когда до разгадки оставалось полшага, я опять обратилась к косточкам, и опять мне выпал ответ про этого непонятного «мужа».

Я решила, что они заиклились. Наверное, намекали, что уже давно пора мне замуж. Так весь прикол был в этом, что в том деле действительно был муж, который сотрудничал с многоуровневой фирмой, где заняты твоей фигурой и собственным обогащением. И именно на него-то мне и указывали мои дорогие и милые советчицы!

Так что после того случая я начала им доверять безоговорочно.

Легкое движение моей руки – и три двенадцатигранные косточки запрыгали, выпущенные на свободу, по столику. Остановившись у края стола, замерли, создав комбинацию: «30+16+12».

«У вас завяжутся деловые отношения со скупыми и не очень благородными партнерами».

Я усмехнулась. Если мне намекают, что Коротков скупой и не очень благородный, можно поступить проще. Деньги вперед – и все в порядке. Не заплатит – отвернемся. Но меня больше интересовала проблема Лики. Есть ли там реальная опасность? Или у девочки все в порядке, просто ее братца тревога за сестренку заставляет паниковать?

Попробуем-ка бросить еще разочек.

«33+19+4». «Для вас существует возможность пострадать от руки злоумышленника».

Ответ мне не понравился. Значит, что-то там нечисто. И Коротков опасается реальной угрозы.

Поднявшись, я посмотрела на телефон. Сергей ждал моего звонка с ответом – еду я в проклятую Америку сражаться с копом, у которого такое отвратительное имя – Родни, или нет.

Я уже подняла трубку, собираясь набрать номер, как вкрадчивый голос разума прошептал: «Остановись, Таня, не будь душой. Все там в порядке, девочка просто не хочет писать и звонить. А ты найдешь себе такие приключения, что будешь плакать и рыдать, проклиная свое теперешнее решение».

– Отвяжись, а? – попросила я этот противный голос.

Вот если бы он промолчал, я бы могла и не звонить. Но я очень люблю делать все наоборот. И поэтому набрала номер Короткова, чтобы сообщить ему, что я готова ехать.

Вот так вся эта история и началась.

Глава 2

Самолет плавно приземлился, и я возблагодарила бога, что это ужасное путешествие временно закончено. Ненавижу самолеты. Мало того, что ощущаешь его громоздкость и тебе кажется, что и ты такое же неповоротливое чудовище, вторгшееся в пределы неба, так он еще и загадочно гудит, возбуждая в тебе нездоровые подозрения, что он сейчас развалится в воздухе. Я уж не говорю о том, что с детства ненавижу заложенные уши, а в длительных перелетах это неизбежное явление.

Когда я ступила на землю, в ушах еще гудело, а почва, казалось, ускользает из-под моих ног. Поэтому я какое-то время пыталась восстановить гравитацию, справедливо опасаясь, что, ежели у меня это не получится, американцы начнут смотреть на меня подозрительно. Поэтому я не сразу заметила толстушку с восхитительными рыжими кудрями, у которой в руках торчал плакатик с надписью «Иванова Татьяна».

Когда же мой взгляд на нее наткнулся, я невольно рассмеялась. Выглядело это так, как будто толстушка и есть Татьяна Иванова, а я неизвестно кто. Она напряженно всматривалась в лица прибывших и особенно часто останавливала свой взгляд на мне. Честно говоря, я в тот момент являла собой не самое лучшее зрелище, потому что шаги давались с некоторым трудом и сама себе я напоминала улитку, которую заставляют бегать.

Девушка с плакатиком мой смех восприняла совершенно правильно и двинулась прямо ко мне, убирая свое воззвание в сумочку.

– Вы – Таня? – спросила она меня. Я кивнула. Она протянула мне ладошку и представилась: – Меня зовут Розалия. Можно просто Роза. Сережа просил вас встретить.

Она была очень миленькой. Несмотря на то что ее щеки были пухлыми и несколько килограммов веса были лишними, я бы назвала ее симпатичной. Немного детское личико, усеянный веснушками вздернутый нос и открытая улыбка. Наверное, брак Розалии был более удачным, чем у Лики, потому что Роза производила впечатление девушки, вполне уверенной в завтрашнем дне и заранее им довольной. Улыбка с ее губ не исчезала и резко отличалась от американского профессионального «чиза». Это была нормальная, наша, российская, улыбка. Лишенная некоторой натянутости.

Мы прошли к машине. Честно говоря, машина у Розы была довольно старенькой, зеленый «Форд» девяносто второго года. С многочисленными вмятинами, которыми «Форд» явно гордился, как рыцарь боевыми шрамами. Роза открыла дверцу и впихнула туда мой нехитрый багаж.

– Садитесь, – пригласила она меня и, решив, что я испугана «фордовской» побитостью, попыталась меня успокоить: – Да не волнуйтесь, Танечка! Я лихачу только в гордом одиночестве. Из-за этого моего невоздержанного поведения Билл отказывается мне покупать новую машину. Подлю, правда? Ну ничего. Мне и так хорошо.

После этого она еще очень долго рассказывала мне про «вредину» Билла, которого, судя по ее восхищенным и теплым улыбкам, Роза боготворила.

– Конечно, у Билла похуже с достатком, чем у Эвансов, но не в баксах счастье...

Упоминание об Эвансах заставило меня вспомнить, что я еду не отдыхать к милой Розалии в Нортон-Бей. Приятная свежесть весеннего утра сразу испарилась. Мне даже почудилось, что небо заволочло тучами и вот-вот грянет дождь. Эвансы...

Роза сама умолкла и теперь стала немного напряженной.

– Таня, Сережа мне рассказал, зачем вы приехали, – произнесла она тихо и оглядываясь, как будто ее так страшил Родни Эванс, что везде ей мерещился. – Поэтому не стесняйтесь обращаться ко мне за помощью. Ладно?

Я улыбнулась ей и сказала:

- Честно говоря, Роза, я надеюсь, что тревога Сережи напрасна и все обойдется.
- А я в этом не уверена, – пробормотала Роза, сосредоточенно глядя на дорогу. Щит показывал, что до городка Нортон-Бей осталось шесть километров.

* * *

Коварная Розалия честно вела машину с нормальной скоростью, пока не показались первые домишки Нортон-Бея.

Ха, Танечка, как это ты осмелилась назвать эти усадьбочки домишками? Этак люди начнут думать, что ты имеешь в виду что-то вроде тех полуразвалившихся хибар, которые украшают своими редкими вкраплениями центр Тарасова. Нет, нет! Домишки в Нортон-Бее будут получше даже наших элитных особняков. Во всяком случае, они не страдают манией величия, пытаясь сойти за средневековый замок. Просто уютные, чистенькие двухэтажные коттеджи. С палисадниками, украшенными диковинными российскому глазу цветами. Сейчас эти домишки неслись мне навстречу. С такой скоростью, что мне стало немного страшно, что мы сейчас взлетим на стареньком «Форде» в небеса и опять у меня начнется приступ воздушной болезни.

Я с тоской посмотрела на Розалию, которая загадочно улыбалась, явно не собираясь снижать скорость. Последив за моей сумасшедшей водительницей получше, я заметила, что она как-то странно косит глазами в левую сторону, изредка усмехаясь. Один раз, когда она особенно щедро прибавила скорость, по принципу: «Какой русский не любит быстрой езды», она даже показала кому-то невидимому язык. Я недоуменно оглянулась.

Он остался далеко позади, этот парень на мотоцикле «Харлей». Он совсем остановился и, смешно подняв вверх обе руки, показал жестом, что сдается. Розалия расхохоталась и сбавила скорость. И слава богу, что она это сделала. На следующем перекрестке стоял увесистый мэн в черной кожаной куртке и всем своим спокойным и расслабленным видом показывал, что имеет прямое отношение к представителям полиции штата.

– Уф, – выдохнула Розалия, когда мы на черепашьей скорости проехали мимо него, – как хорошо, что мы уложились.

Она притормозила возле шикарного особняка и жестом привлекла мое внимание:

– Вот это и есть дом Эванса.

Я оглянулась. Дом казался странно одиноким – иногда вдруг возникает ощущение, что в каком-то жилище нечасто появляются хозяева. Такие дома обычно бывают немного неприступными, как будто отвыкли доверять людям. Вот и дом Эвансов – несмотря на солнечное освещение и ровные зеленые лужайки, хорошо видные через решетки ограды, он явно был недоволен тем, что мы на него глазеем.

– Ну и как? – спросила Розалия.

Я неопределенно пожала плечами.

– Дворец, – признала я.

– Холодный дворец, – усмехнулась Розалия. И дала газу так резко, что я почти опрокинулась на спинку сиденья.

* * *

– Ну вот мы и приехали, – сообщила Розалия, когда «Форд» недовольно фыркнул и остановился перед симпатичным домом.

Я вышла и зажмурилась от удовольствия. Дом стоял на самой окраине Нортон-Бея. Сразу за его оградой начинался лес, да такой зеленый, что у меня от этой зелени зарыбило в глазах. Розалия выгрузила вещи и толкнула калитку.

Я еще минуту постояла, слушая пение птиц и позволяя теплему воздуху ласкать мое лицо.

– Таня! – нетерпеливо позвала меня Розалия. – Ты же устала с дороги. Я сейчас изобразю что-нибудь съедобное, а пока могу предложить тебе кофе.

– Здесь так восхитительно! – не удержалась я.

Розалия улыбнулась.

– Тань, мы сможем насладиться природой и с чашечками кофе в руках. Честное слово. У меня, конечно, не дворец мистера Эванса, но мой Билли тоже не лыком шит. Так что комфорт нам с тобой обеспечен.

С этими словами она вошла во двор, а я последовала за ней. Войдя во двор, я присвистнула. Да уж, мне начинало нравиться это путешествие. Похоже, Коротков решил просто замазать свою вину передо мной.

Двором в привычном смысле эту роскошь назвать было трудно. Прямо посередине сверкала изумрудной зеленью лужайка с разноцветными вкраплениями фиалок. Под изящным навесом стояли ослепительно белые шезлонги и небольшой столик.

– А за домом есть бассейн, – сообщила Розалия. – Так что располагайся. Пока я сварю кофе, можешь передохнуть.

Она оставила меня во дворе, и я плюхнулась в шезлонг. Закрыв глаза, я приходила в себя, снова обретая способность логически мыслить. Комфорт действовал на меня расслабляюще – мне ужасно захотелось, чтобы у Лики было все в порядке. Тогда можно будет наконец-то позволить себе маленькую передышку. Отдохнуть в обществе Розалии в этом уютном местечке. Таким солнечном и спокойном. Ну какие здесь могут быть тайны и преступления? Городок-то раз в десять меньше Тарасова...

Я открыла глаза и посмотрела туда, где, отчетливо белея на фоне ослепительно голубого неба, высился особняк Эвансов.

«Лика, – позвала я мысленно, – пожалуйста, будь дома. Пусть все окажется надуманной драмой твоего брата».

Надежда была тщетной. Хотя бы потому, что меня встречала Розалия. Значит, Сергей не смог в очередной раз связаться с Ликой. Значит, с Розалией связаться было куда проще...

* * *

Очень скоро Розалия появилась с подносом в руках, и мы начали нашу беседу. Собственно, сама Розалия была находкой. Она любила болтать, и если у вас есть какие-то тайны, которые вам нужно срочно сделать достоянием гласности, – милости просим в компанию. Розалия постарается распространить нужные вам слухи с быстротой молнии.

– Знаешь, честно говоря, мне не нравятся эти идиотские службы знакомств, – сообщила Розалия, отпивая кофе быстрым глотком. Я удивленно вскинула брови. Розалия мгновенно поняла мое изумление и рассмеялась: – Нет, мы с Биллом познакомились сами. Я вообще сюда не хотела ехать – представь себе, там мама, папа, братишка, а здесь? Я же переводчица и очень неплохо изучила американцев. Все, что про них рассказывают, – сказки для малолетних. Самый первый американец, встреченный мной на жизненном пути, разбил все мои юношеские, хипповские иллюзии. Начнем с того, что он оказался до безобразия толстым. И тупым. Еще он боялся выложить лишний доллар. И, по-моему, плохо умел читать. Вот считать – это у него получалось великолепно. Так что тот день, когда мне пришлось мотаться с ним по всей Москве, был одним из черных... Зато когда я познакомилась с Биллом, я удивилась. Он совершенно нетипичный американец. Приехал к нам парнишка, скромный, любопытный. Во всех храмах с ним побывали. И я так выпендривалась перед ним – просто кошмар какой-то! Я-то думала, он студент.

– А он кем оказался? – поинтересовалась я.

– Писателем, – пожалала она плечами. – И ко всему этому – автором бестселлеров. Представляешь? Я перед ним корчу из себя непризнанного гения, читаю свои кошмарные стихи, чтобы показать, как мы, русские, выгодно отличаемся от американцев в интеллектуальном плане, и вдруг он мне так скромно начинает рассказывать о Волошине и Черубине де Габриак! Я делаю вид, что знаю, кто это такая, киваю... В общем, я опростоволосилась и всю дорогу молчала. Он подумал, что я обиделась, и решил исправиться. Предложил руку и сердце. И сообщил, что он не очень богат, но его гонораров нам хватит на то, чтобы не стать нищими.

Я осмотрела дворик с бассейном и рассмеялась.

– А у Лики, – продолжала Розалия, – все было не так... Честно говоря, я не понимаю, что произошло с Родом. Он ведь был неплохим парнем. Мне он даже нравился. И Лика сначала сияла, как солнышко. Пока не заболела... Родни ходил мрачный – мы с Биллом его жалели. Думали, что он переживает из-за Лики. Однажды Лика пришла ко мне, и я заметила у нее на предплечье синяки. Знаешь, такие здоровые, вряд ли оттого, что она задела столик, как пыталась меня уверить. И лицо у нее было опухшее. Как будто она плакала. Я спросила ее, что случилось, но она как-то судорожно дернулась, вскинула на меня такие глаза, что я сразу прекратила расспросы. Вечером я поговорила с Биллом, и он отправился к Роду. А потом...

Она вздохнула и посмотрела в сторону дома Эвансов.

– Потом Лика перестала приходить. Я встретила ее в аптеке, спросила, почему она не заходит. Лика смутилась и пробормотала, что очень много дел по дому. Что Род ей не разрешает разгуливать по гостям, когда дом не убран. Я предложила поговорить с ним сама, но Лика ужасно испугалась и попросила меня этого не делать. А потом она пропала вообще. Как будто ее и не было. Род утверждает, что она у его матери. Но свекровь ненавидела Лику, она считала, что Род должен был жениться на американской девушке! Мы для нее – люди второго сорта. Чуть получше негров. Но хуже китайцев. В принципе понять ее можно, она за пределы Штатов не выезжала. Не потому, что денег не хватает, а потому, что у нее в крови страх перед международным терроризмом.

Я засмеялась. Кажется, благодаря описанию Розалии я увидела эту седовласую чопорную даму, считающую себя всезнающей.

Скрип калитки заставил нас обернуться.

– Ага, – протянула Розалия, – ну, я тебе сейчас устрою...

Угроза адресовалась тому самому парню, который недавно пытался обойти нас на «Харлее». Он стоял и усмехался.

Розалия быстро вскочила и бросилась к нему, но он перепрыгнул через столик и удрал от нее на задний двор.

«Господи, неужели это Билл?» – подумала я, с интересом наблюдая, как эти двое носятся друг за другом, как дети.

Наконец запыхавшаяся Розалия появилась снова, таща за собой побежденного юношу.

– Познакомься, – сказала она, – это мой братец. Зовут его Денисом, и он делает вид, что учится в Калифорнийском университете.

Вот это да... Я смотрела на этот типичный образец американца – и мне хотелось расхохотаться. «Типичный американец» оказался нашим парнишкой... Из города Сергиев Посад, что недалеко от Москвы.

Денис широко улыбнулся и протянул мне руку. Не знаю отчего, но в моей голове мелькнула мыслишка, что Лика с Денисом были бы неплохой парой. К чему бы это? Очень странно... Впрочем, что странного в том, что два таких юных существа...

Стоп, Танечка, притормозила я, оставь свои домыслы, ты еще не видела мистера Эванса, а уже склонна посчитать его недостойным Лики. Давай все-таки сначала познакомимся с главными героями этой истории поближе, а не только по рассказам окружающих.

* * *

Городок оказался славным. Такой, знаете ли, причесанный. И сработанный чисто по-американски. Иногда мне кажется, что бедняги американцы вообще слишком уж стараются быть похожими на героев своих фильмов. Даже города у них кажутся немного декоративными. Впрочем, у каждого свой менталитет. А сейчас я иду по чистенькому и умытому Нортон-Бею мимо небольших магазинчиков с колокольчиками на дверях. Солнце здесь для непривычного человека чересчур жаркое, так и хочется его выключить. Хорошо, что все прошлое лето я тренировалась выживать в тяжелых условиях тарасовской жары, поэтому сейчас солнышко кажется мне просто нашим весенним. На каждом углу – аптека. Рядом с аптекой – бар. Вот уж не могу понять, зачем им столько баров и аптек. И почему в Нортон-Бее они непременно должны соседствовать друг с другом.

К дому Эвансов я подошла через полчаса. Честно говоря, мне все еще хотелось оттянуть встречу с неведомым Родни, о котором я наслушалась столько негативного, что он начал казаться мне «библиотечным полицейским». Этакий мрачный увалень, не выпускающий изо рта жевательную резинку. С тупым взглядом, в котором подозрение прижилось настолько, что не оставило места другим чувствам. В общем, типичный коп. Раз уж город у нас такой голливудский, то и коп пускай тоже будет голливудский. И имя его мне не нравится. Так что к бедному мистеру Эвансу с визитом шла явно предвзято настроенная девица, которой я бы ему советовала опасаться.

Возле невысокого белого заборчика, отделяющего владения Эвансов от остальной части городка, я притормозила. На то, чтобы надеть на себя маску, нужно минимум три минуты. Моя маска была довольно симпатичной и легкомысленной – этакая девица из Тарасова, знакомая Короткова, а следовательно, с небольшим налетом богемности. Очень много апломба и совсем никаких познаний в английском. Это, господа, маленькая хитрость – когда возможный противник не подозревает о том, что ты куда умнее, чем хочешь казаться, он с вероятностью в девяносто процентов допустит при тебе промах, который станет в твоих умелых ручках неплохим козырем. Поэтому мистеру Эвансу совершенно не обязательно знать, что Таня Иванова английский знает в совершенстве.

Толкнув калитку, я оказалась во дворе и присвистнула. Теперь я поняла, почему свое шикарное палаццо Розалия считала скромным.

По сравнению с владениями Эвансов ее дом действительно был просто хижинкой дяди Тома.

* * *

Итак, натянув на лицо маску невинности, граничащей с идиотизмом, я шагнула в частные владения помощника шерифа, рискуя навлечь на себя его праведный гнев. И оказалась в райском саду...

Честное слово, таких диковинных растений мне в жизни не приходилось видеть! Самыми обычными из них были самшитовые заросли, проходя мимо которых, невольно вспоминался Версаль и наш родной Петродворец, пока он еще принадлежал своим законным владельцам. Аллея вела к скромному трехэтажному домику, который казался совершенно несуразным и странным среди таких великолепных растений. Летящая белая дымка особенно меня заинтересовала, и я остановилась возле кустарника, похожего на присевшее передохнуть облако. Я восхищенно взирала на это чудо, как вдруг за моей спиной раздалось скромное и ненавязчивое покашливание. Я обернулась.

Высокий мужчина с густыми, начинающими седеть волосами доброжелательно разглядывал меня. Глаза у него были потрясающие – небесно-голубые, в мелких сеточках улыбочивых морщинок, которые так шли ему. Он был одет в довольно затрепанные джинсы и вытирал руки о них, смотря на меня с молчаливым любопытством. Потом он сказал, что я люблю японской осокой. Я сделала на всякий случай непонимающее лицо, хотя предположила, что общаюсь с садовником, и произнесла на отвратительном английском, что я плохо знаю этот язык. Он удивленно вскинул брови и спросил, кто я.

– Ай эм фром Раша, – призналась я, делая все возможное, чтобы он понял, какое у меня дурное произношение.

– Вы – к Лике? – спросил он уже по-русски.

Причем надо отдать ему должное, для садовника он неплохо владел иностранными языками. Это заставило меня усомниться в том, что он садовник.

Он протянул мне ладонь и представился:

– Родни Эванс. Муж Лики. Извините, но ее сейчас нет в Нортон-Бее. Она уехала погостить к моей матери.

– Какая жалость! – воскликнула я, пытаюсь обнаружить в его симпатичном лице хоть какие-то намеки на злодейство. Увы, он вел себя вполне спокойно и, кажется, совершенно безмятежно. Более того, он мне доверял и даже вызвал в моей душе нечто подобное раскаянию за то, что я его так подло обманываю.

– Надеюсь, что вы не очень огорчены, – развел он руками.

– Меня просили передать ей небольшую посылку. А Лику я знаю совсем немного, – призналась я. – Хотя, если честно, мне бы очень хотелось с ней увидеться.

– Может быть, она скоро приедет, – предположил он.

Он стоял, явно ожидая, что я покину его сад, выяснив, что интересующей меня особы здесь нет. Я в нем никаких чувств не вызвала, что меня даже немного обидело. Поэтому я решила действовать сама. Раз меня не хотят обольщать, придется заняться этим самой. Рискуя показаться навязчивой, я изобразила детскую, наивную, чистую улыбку и произнесла:

– Знаете, я так устала с дороги, и мне очень хочется кофе.

Он кивнул и пригласил меня в дом. Я непринужденно проследовала за ним, обдумывая, как же все-таки мне вызвать его на откровенность. К моей красоте он был равнодушен. Или умело скрывал, что я его интересую.

Мы оказались в скромно обставленной гостиной, и он, пробормотав неизменное «sorry», исчез. Глядя вслед его удаляющейся высокой фигуре, я была вынуждена признать, что он скорее похож на симпатягу Нэша Бриджеса, чем на замусоленный образ американского копа с квадратной челюстью и таким же квадратным лбом. Он мне понравился. То есть вернее было бы заметить, что детектив Иванова попала под обаяние данного индивидуума. И начала думать, что все в полном порядке.

Ну как мог этот очаровательный человек быть тем самым садистом, про которого мне рассказывали Сережа и Розалия?

К моменту, когда он появился с кофе и небольшими бутербродами с тунцом, я уже почти на сто процентов уверила себя, что Лика действительно отдыхает у его матери. Потому что, как он заметил, любое лечение изнурительно и человеческий организм после этого нуждается в перемене обстановки и покое.

Мы болтали о самых незначительных вещах, начиная от экономики в России и кончая его садом. Старательно избегали говорить о Лике. Незачем афишировать свой повышенный интерес к ее персоне. В мой тщательно созданный образ не вписывался серьезный интерес к малознакомой девушке.

Через полчаса, когда я поняла, что дорожку к нему я уже протоптала – теперь, встретив меня на улице, он будет вынужден по крайней мере поздороваться, я приготовилась уходить. И в этот момент зазвонил телефон, быстро нарушивший всю мою безмятежность.

* * *

Род поднял трубку и сначала посмотрел на меня вопросительно. Я сделала вид, что не понимаю ни слова, и уставилась в окно, где в глубине самшитовой аллеи виднелась белая ажурная беседка.

– Я слушаю, – вполголоса проговорил он. Потом нахмурился. Еще раз посмотрел на меня с опаской, из чего я заключила, что разговор, который он ведет, не для посторонних.

Я встала и подошла к окну, продолжая рассматривать аллею.

Он успокоился, поняв, что его беседа не представляет для меня никакого интереса. К тому же я ведь ничего не понимаю по-английски. Улыбнувшись мне, он поймал мою ответную, немного равнодушную улыбку и продолжал разговор вполголоса. Иногда вежливость способна изрядно навредить человеку. В данный момент именно его вежливое нежелание оставить меня в одиночестве сыграло с ним злую шутку.

Я прекрасно слышала весь разговор, который оказался для меня небезынтересным.

Когда он положил трубку, я уже стояла у выхода, нервно поглядывая на часы. Надо сказать, делала я это на протяжении всего разговора. Чтобы не вызвать неуместных подозрений.

– Извините, что задержал вас, – приложил он руку к груди, как верный рыцарь, – проблемы на службе.

– Ничего, – улыбнулась я, – и вы сами пострадали от моей навязчивости.

– О нет, что вы! С такой очаровательной девушкой одно удовольствие встретиться... еще раз.

Я вскинула брови. Наконец-то.

– Думаю, у нас еще будет шанс встретиться, – промолвила я и двинулась к выходу.

Честно говоря, мне хотелось бежать. Потому что то, что я сейчас узнала из телефонного разговора, требовало осмысления, разложения по полочкам и скорейшего обдумывания дальнейших действий.

Оказывается, Родни Эванс и сам не знал, где находится его жена!

Глава 3

– Что ты хочешь этим сказать?

Розалия вытаращилась на меня с изумлением.

– Из разговора я поняла, что Родни не знает, где и в каких широтах находится его жена.

– А с кем же он разговаривал?

– Не знаю, – пожалала я плечами, помешивая трубочкой коктейль, – честное слово. Мне показалось, что он разговаривал с моим коллегой.

– С кем? – не поняла меня Розалия.

– С частным сыщиком, – пояснила я, – и это делает ситуацию вообще загадочной. Ну зачем копу нанимать сыщика?

Розалия растерянно покачала головой:

– Понятия не имею... Слушай, а если...

Она замолчала.

– Если что? – рискнула спросить я, поскольку напряженное молчание начинало меня нервировать.

– Если он ее убил, а теперь замечает следы?

– С помощью частного детектива? Глупости.

– Нет, – терпеливо начала объяснять мне Розалия, – он как бы пытается отвести подозрения. Вот, я ведь ищу свою жену. Даже детектива нанял. А жена лежит где-нибудь под рододендронами.

– Вот почему у него такие великолепные рододендроны, – съязвила я, – и вообще садик симпатичный. Он, оказывается, просто удобряет его свежими трупами. Маленький секрет для садоводов.

– Таня, ну как ты можешь? – испуганно перекрестилась Розалия.

– Если бы он действительно хотел замести следы, как ты выражаешься, было бы куда проще объявить розыск. И сидеть в слезах под статуей Свободы, чтобы вокруг знали, как ты искренне переживаешь утрату своей неверной супруги, исчезнувшей невесты куда и невесты с кем. А он пытается все сохранить в тайне. Понимаешь?

Розалия явно ничего не поняла, но кивнула. Чтобы я к ней не приставала.

– Поэтому все как раз складывается в его пользу, – продолжала я рассуждения сама с собой, – он действительно не знает, куда смылась наша Лика. Обнародовать свой позор не хочет. Плюс ко всему ищет ее, но пока у него это не получается.

– И слава богу, – выдохнула моя пессимистичная подруга, – потому что если он ее найдет...

– Убьет и закопает под рододендронами, – меланхолично заметила я, заставив несчастную вздрогнуть. – Почему ты так уверена в худшем? Он что, избивал ее?

– Нет, – призналась Розалия, подумав.

– Тогда почему ты решила, что он так хочет от нее избавиться? Если бы он этого хотел, он бы просто собрал ее вещи и посадил в самолет, отлетающий в Россию.

– А брачный контракт?

Так. Вот про контракт мы не подумали. Вернее всего, меня в эти тонкости не посвятили участники этой истории.

– А что у нас там с контрактом? – поинтересовалась я.

Розалия замялась. По ее лицу было видно, что она уже сожалеет о вылетевших словах. Ну надо же! Какие все милые. Ты, Танюша, расследуй это дело, а мы будем делать вид, что тебе помогаем. Но на самом деле чего-то не скажем.

– Ладно, – решила она наконец, – этот idiotский контракт был составлен с помощью ее брата. Я толком не в курсе, что он придумал, но, насколько я знаю Сережу, он своего не упустит.

– А ты давно с ним знакома? – поинтересовалась я.

– С тех пор, как Лика сюда приехала. Знаешь, тут ведь русских почти нет. Это в Лос-Анджелесе полно твоих соотечественников, а Нортон-Бей – городок маленький и чисто американский. Поэтому Лика и я, да еще Денис – вот вся русская диаспора. Но Денис большую часть времени проводит в Калифорнийском университете. Так и получилось, что мы с Ликой стали очень близки.

– А Сергей? Он часто приезжал?

– Постоянно. Но куда чаще сюда приезжала его жена. Кстати, ты с ней знакома?

– Немного. И большого желания сделать наше знакомство ближе у меня пока нет.

– Неприятная дамочка, – поморщилась Розалия. – И Лика ее не любит. А с Родни у нее сложились хорошие отношения. Сначала он тоже пытался избежать ее общества. А потом что-то их объединило... Но мы говорили о контракте, так?

Я кивнула.

– Кажется, там был пункт, по которому в случае развода Родни обязан содержать свою жену пожизненно. Особенно если она заболит в Америке. Понимаешь, какой прикол? Ведь Сережа прекрасно знал, что у Лики порок сердца. Значит, запросто мог предположить, что Лика непременно заболит.

– То есть вполне вероятно, что Родни оказался жертвой мошенничества?

– Нет, я бы так не сказала. Конечно, можно было предупредить, что Лика не здорова. Обман присутствовал. Большинство американцев, ищущих жену через брачное агентство, хотят получить женщину, способную, простите, нормально работать по дому и нормально рожать. Это для них главное. Понятие любви в Америке относится к пережиткам. Все очень практично. Это Билл такой романтический безумец, а Родни – человек земной. Конечно, у него очень изменилось отношение к Лике. Иногда мне казалось, что он ее ненавидит. Понимаешь, как-то раз я поймала его взгляд, направленный на нее. Он смотрел так, что у меня мурашки по коже бегать начали.

– Во-первых, возможно, он чувствовал себя обманутым. Во-вторых, в контрактах обычно оговариваются все детали. Разве нет?

– Оговариваются, – признала Розалия.

– Тогда я пока не вижу, почему этот контракт мог его так разозлить. Впрочем, возможно, ему действительно легче содержать сейчас одну Ликку, чем тащить на себе еще и ее семейство. А насчет того, что его обманули... Ты бы скрыла от Билла, если бы была больна?

– У нас немного по-другому, – улыбнулась Розалия, – я от него никогда ничего не скрываю. Когда он вернется из Лос-Анджелеса, ты сама увидишь, какой он человек. Самое смешное, что они с Родни в юности были друзьями. А потом что-то произошло. Сейчас они, конечно, поддерживают отношения, но очень прохладные.

Я не стала выпытывать, что там у них произошло, потому что это не относилось к Лике. А меня в тот момент интересовала исключительно она. И Родни. Их взаимоотношения и некоторая загадочность поведения последнего.

Понять Родни можно было только с помощью личного контакта. Поэтому я не вслушивалась в дальнейшие рассуждения Розалии о ее Билле. Я обдумывала свой план поступательного внедрения в жизнь Родни Эванса. И попытки посмотреть на всю эту историю его глазами.

* * *

Это легко сказать – сяду и посмотрю на все глазами Родни. На самом-то деле можно вот так бессмысленно протаращить глаза в течение суток, а они все равно не станут глазами Родни. Чужая душа – потемки. О Родни я знала только, что у него две страсти – конюшня и садик. Странное сочетание... С одной стороны, получается этакий ковбой, хоть сейчас начинай съемку вестерна. И с его должностью помощника шерифа это вполне увязывается. А вот страсть к экзотическим растениям... В созданный мной образ сей факт вписывался плохо. Сначала человек скачет на мустанге, стреляя в преступников, – а потом мирно копается в розарии, выращивая сверхъестественный гибрид. Если сюда добавить предположение Розалии, что почву он удобряет исключительно свежими трупами убиенных жен, становится совсем непонятно. Что это за фрукт такой?

Я уже оделась в боевые доспехи и теперь придиричиво разглядывала себя в огромном зеркале – зачем подобное зеркало понадобилось маленькой плюшечке Розалии, не понимаю. Розовая маечка-топ весьма пикантно обнажала верхнюю часть моего плоского животика, а белые джинсы обтягивали мои стройные ножки, чью бесподобную красоту подчеркивали шпильки на высоких каблуках. Волосы я распустила, дабы они могли радовать окружающих своим золотистым блеском и шелковистостью – пусть знают американцы-назовцы, с какой страшной силой им придется иметь дело, когда они встретятся со славянками. Моя красота вполне могла повергнуть ниц все мужское население Штатов, не то что какого-нибудь копа! Оставалось немного – войти в образ наивной девушки, еще не успевшей столкнуться с жестокой прозой жизни, а потому сохраняющей девственную свою душу. Девушка такая получилась у меня после нескольких взмахов кисточкой – все-таки в каждой женщине таится художник, способный в мгновение ока придать чертам или определенность, или, наоборот, лишить себя всяческой индивидуальности, тем самым позволив себе раствориться в окружающей среде, став почти незаметной, а следовательно, свободной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.